

Большой карьерный риф

В должности директора Большого театра коллегия Роскультуры вновь утвердила Анатолия Иксанова

Майя Крылова

«Уровень художественной жизни в стране зависит от здоровья и нездоровья Большого и Мариинки». С этим тезисом Михаила Швыдкого согласны все. Но что считать здоровьем? Для одних его признак — закупоренность от мировых эстетических веяний и поддержание статуса театра-музея. Для других — неприятие художественного изоляционизма и жизнь по открытой модели, включающей и пиетет к прошлому, и интерес к будущему. Нынешний директор ГАБТа Анатолий Иксанов проявил себя как сторонник второго пути. Контракт директора решением коллегии Роскультуры будет продлен на пять лет. То есть Большой и впредь не сможет радовать замшелых консерваторов, требующих, чтобы на «священной сцене» шли исключительно классические балеты девятнадцатого века и оперы с режиссурой и сценографией того же периода.

Иксанов был назначен на свое место в 2000 году указом председателя правительства. Контракт директора заканчивается 1 сентября. Но Роскультура (именно эта федеральная структура имеет полномочия продлить или не продлить контракт с директором государственного театра) не стала ждать осени. Ведомство Михаила Швыдкого ввело новую форму работы с «контрактниками» — публичное подведение итогов их деятельности. На открытом заседании коллегии кандидат отчитывается, эксперты со стороны оценивают деятельность руководимого кандидатам объекта, желающие члены коллегии и приглашенные персоны выступают в прениях. Опробовав механизм на Олеге Табакове, коллегия Роскультуры повторила опыт на Иксанове, и это после скандала с «Детями Розенталя» придало назначению особую легитимность.

Судьбу директора ГАБТа решали высокие чиновники Роскультуры и присутствовавшие члены коллегии — Елена Гагарина, Валерий Гергиев, Валентин Янин, Олег Табаков, Мстислав Запашный и Виктор Федоров

Анатолий Иксанов размышляет, какие проблемы вновь вверенного ему театра решать в первую очередь.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

(директор Российской государственной библиотеки).

Отчетный доклад Иксанова, как и выступления худрука ГАБТа Александра Ведерникова и главы балетной труппы Алексея Ратманского, был посвящен достижениям, а не недостаткам, поэтому некоторым их речи показались слишком благодетельными. Ведерников взял на себя теоретическую часть отчета. Он объяснял аудитории, что такое творческая концепция Большого — главного национального театра России, «отражающего и формирующего процессы в нашем обществе» и «содействующего кристаллизации национальной идеи в современных условиях». Худрук обозначил три направления репертуарной политики — русская классика XIX–XX веков (это 70% репертуара ГАБТа); зарубежные оперные и балетные шедевры; «ответственность за состояние жанра» музыкального театра, то есть заказ новых опер и постановка новых балетов. Впрочем, все это будет, если театру удастся воспитать

«современный тип артиста». Имеется в виду артист, признающий не только свое право получать президентский грант, но и право театра на эксперимент, в котором он, артист, обязан (а в идеале — желает) участвовать хотя бы для того, чтобы традиции, о которых все толкуют, не стали штампом.

Иксанов (а вслед за ним — председатель попечительского совета театра Константин Ремчуков) рассказывал главным образом о театральном маркетинге и консалтинге, пытаясь довести до коллегии размах управленческих перемен, произошедших в ГАБТе с 2000 года. «Тогда в бухгалтерии сидели 52 человека и считали на счетах» («И у каждого свой кипятильник, а это съедает энергию», — вставил реплику Швыдкой). «Для начала мы внедрили своего человека в группу спекулянтов и выяснили, что они зарабатывали около миллиона долларов в год», — сказал Ремчуков, повествуя о том, как театру за пять лет удалось в три раза поднять доходы от продажи билетов. Говоря о необхо-

димости точно определить, в чем миссия ГАБТа, Ремчуков привел пример из бизнеса: как в Америке конкурент «Макдоналдса» решил, что его миссия — это самый дешевый гамбургер, и достиг поставленной цели. Про бизнес, как потом выяснилось, Ремчуков сказал зря. Гамбургер вышел Большому театру боком...

Валерий Гергиев был настроен пессимистически: в стране налицо «чудовищное отставание театрального менеджмента», за месяц в Нью-Йорке можно услышать тридцать лучших голосов мира, а к нам известные певцы приезжают заканчивать карьеру, причем за огромные деньги. Гергиев предложил «собрать деньги» с попечительских советов обоих театров, и Большого и Мариинского, и на эти средства попытаться «соперничать с лучшими театрами Европы и Америки» — дать отечественным оперным звездам настолько выгодные контракты, чтобы они не захотели уезжать за границу. Иначе «Логовазу побить «Тойоту» не удастся».

Присутствовавший на коллегии начальник департамента администрации президента Николай Островский не проронил ни слова, зато другие гости, депутаты Государственной Думы Елена Драпеко и Александр Фоменко, выступили со страстными речами. Выяснилось, что в присутствии депутатов ораторам нельзя, во-первых, шутить (шутки депутаты не понимают), а во-вторых, нельзя выражаться метафорически (депутаты все понимают буквально). Фоменко вспомнил «экскременты» Сорокина (хотя в его оперном либретто ничего подобного нет), обвинил Иксанова в наплевательском отношении к публике и в «отказе от диалога» (доказательство, видимо, в том, что ГАБТ не отменил постановку оперы Десятникова после недовольства Государственной Думы). Особенно не понравился народному избраннику пассаж про гамбургеры: мол, нашли с чем сравнивать, тут — высокое искусство, а там — пошлый бутерброд ради прибыли. Говорил Фоменко по-своему образно:

«...это недостойно императорского театра как оплота демократии».

Оратором остановил Олег Табаков, напомнивший, что депутат в театре есть частное лицо, просто зритель, один из многих. Тут в дискуссию вступила депутат Драпеко: про гамбургеры ей тоже не понравилось. Драпеко знает, что «лучший способ прославиться в Думе — это подражаться с Жириновским», и она уверена, что дирекция ГАБТа обожает скандалы. По Драпеко, увольнение Волочковой и Баскова, постановка «Детей Розенталя» и просьба выделить миллиард на реконструкцию — вещи одного порядка, означающие «тяжелую морально-нравственную ситуацию в театре», а где при этом «художественные потрясения, о которых говорил бы весь народ»? «Нам придется выбирать в будущем бюджете, кому отдать деньги налогоплательщиков — пенсионерам или Большому театру», — сказала Драпеко. (Как будто пенсионерам могут прибавить денег, отторгнув их от бюджета ГАБТа.) Впрочем, закончила депутат миролюбиво. Драпеко предложила театру руку дружбы («не воспринимайте нас как врагов или контролеров, заключим перемирие») и публично обнялась с Иксановым.

Итог — все помирились, коллегия отметила положительные тенденции ГАБТа и велела устранить недостатки: планы определены, за работу, товарищи! До 2008 года, то есть еще до открытия реконструированной Основной сцены, ГАБТ собирается сотрудничать с режиссерами Александром Сокуровым и Валерием Фокиным, приглашать знаменитого хореографа Кристофера Уилдона и дирижера Михаила Плетнева. А о реконструкции Михаил Швыдкой сказал: «Есть два варианта. Первый — делать театр XXI века с сохранением памятника архитектуры. Это дорого и стоит запрошенного театром миллиарда». При обещанном же объеме финансирования можно сохранить только памятник и дешево заменить напряжение в ГАБТе, его архаические 127 вольт на современные 220.

Как бы Швыдкой не оказался пророком.